

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-15-22
УДК 327.8:339.9(045)
JEL F02, F52, H56, M15

Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации

В.Н. Миронова

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-4054-2739>

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования – «мягкая сила» государства и формы ее проявления.

Цель работы – обоснование включения экономического фактора в состав «мягкой силы». Под влиянием многочисленных политических, экономических трансформаций на уровне национальной и глобальной экономики государства переоценивают методы жесткой политики в пользу более гибких рычагов влияния, что, однако, не означает полного отказа от использования таких агрессивных и конфронтационных инструментов оказания давления, как санкции, торговое эмбарго, торговые войны и т.д.

Экономические методы «мягкой силы» государства находят применение во внешнеторговой политике, управлении движения капитала, воплощаясь в научно-технологических инструментах влияния на формирование позиций отдельных стран. Официальная помощь развитию относится к признанному инструменту «мягкой силы», основанному на экономической и финансовой поддержке развивающихся стран.

Одним из проявлений «мягкой силы» является экономическая дипломатия, играющая важную роль в решении возникающих проблем, в том числе вызванных глобальными угрозами.

В статье *сделаны выводы* о том, что необходимость использования популярного американского варианта интерпретации силы государства и форм ее проявления нуждается в переоценке исходя из политических и экономических реалий развития современного мира, растущих угроз масштабного характера, изменения позиций отдельных стран и регионов. Россия, несмотря выпавшие на ее долю испытания в экономической и политической сферах, способна проводить взвешенную экономическую политику, используя имеющиеся у нее преимущества, в целях достижения взаимовыгодных результатов. В статье предложено использовать словосочетание «невоенные факторы силы» вместо термина «мягкая сила», которое в большей степени соответствует возможностям системного и комплексного анализа факторов влияния государства, помогает проследить их зависимость или, наоборот, – противоречивость.

Ключевые слова: «мягкая сила»; «жесткая сила»; экономический фактор; экономическая дипломатия; негосударственные акторы

Для цитирования: Миронова В.Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(6):15-22. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-15-22

ORIGINAL PAPER

Economic Factor of the State “Soft Power”: Problems of Identification

V.N. Mironova

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-4054-2739>

ABSTRACT

The research subjects are the “soft power” of the state and its forms of manifestation.

The purpose of the work is to justify the inclusion of the economic factor into the “soft power”. Under the influence of numerous political and economic transformations at the level of the national and global economy of the state, the methods of tough policy are being revalued in favor of more flexible and appropriate levers of influence, which, however, does not mean that the use of such aggressive and confrontational instruments of pressure, such as sanctions, trade embargoes, trade wars, etc. are completely abandoned.

Economic methods of “soft power” of the state are used in foreign trade policy, capital management, embodying in scientific and technological tools to influence the formation of positions of individual countries.

© Миронова В.Н., 2020

Official development assistance is a recognized “soft power” tool based on economic and financial support for developing countries.

One of the manifestations of “soft power” is economic diplomacy, which plays an important role in solving problems, including those caused by global threats.

The article *concludes* that the need to use the popular American version of the interpretation of state power and its forms of manifestation needs to be re-evaluated based upon the political and economic realities of the modern world, growing threats of a large-scale nature, and changes in the positions of individual countries and regions.

Russia, despite its economic and political challenges, is able to pursue a more balanced economic policy, using its existing advantages, in order to achieve mutually beneficial results. It is proposed to use the phrase “non-military factors of force” instead of the term “soft power”, which is more consistent with the capabilities of a systematic and comprehensive analysis of factors of state influence, helps to trace their dependence or, conversely, inconsistency.

Keywords: “soft power”; “hard power”; economic factor; economic diplomacy; non-state actors

For citation: Mironova V.N. Economic factor of the state “soft power”: Problems of identification. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(6):15-22. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-15-22

ВВЕДЕНИЕ

Сущность природы и проявлений силы государства давно является объектом изучения политологов, философов, занимающихся главным образом вопросами внешней политики. Однако в современных условиях политика тесно переплетается с экономикой, что проявляется на страновом и международном уровнях. В то же время не следует приравнивать понимание экономических инструментов политической силы, используемых для достижения политических целей, к толкованию внешнеэкономической политики, в которой находят применение экономические и неэкономическими методы влияния на продвижение государственных интересов, хотя на практике эти направления государственной деятельности часто дополняют друг друга и выполняют одинаковые задачи.

Существует некая условная договоренность между исследователями относительно смыслового значения основных терминов, основанная на представлениях, сложившихся во второй половине XX и начале XXI вв. в США и других развитых странах и используемых в международных рейтингах, оценивающих силу государства на основе ряда параметров, нередко подвергающихся критическому анализу.

Многочисленные разнонаправленные факторы лежат в основе происходящих в мире сложных политических, экономических и социальных процессов, вызывая беспрецедентный рост новых угроз. Как отмечает профессор М. Неймарк, пандемия COVID-19 не только спрессовала в единый проблемный узел наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития, но и обозначила в нем новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности политических, макроэко-

номических и социально-гуманитарных процессов в глобальном пространстве [1].

В этих нестабильных условиях миропорядка прослеживается тренд на усиление роли глобальных субъектов мирохозяйственных отношений в виде государств.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИЛЫ ГОСУДАРСТВА

Дискуссии относительно дефиниции силы и ее компонентов развернулись в научных и политических кругах США в период 1970–1980 гг. Американский исследователь Р. Клайн отмечал: «Сила на международной арене может быть определена как способность правительства одной страны заставить правительство другой страны предпринять то, что это последнее не стало бы делать по своей воле, причем это может быть осуществлено за счет убеждения, принуждения или откровенного применения военной силы» [2].

Один из известных американских теоретиков С. Хоффман охарактеризовал отношения между объектом воздействия и субъектом проявления силы следующим образом: «Если целью применения силы является влияние на поведение других, то первым требованием должно быть понимание забот, интересов и страхов тех, на кого оказывается воздействие, а также цены и пределов возможного контроля» [3].

Авторитетный американский ученый Х. Моргантау считал, что сила является иллюзорным концептом, который создает наиболее сложные и противоречивые проблемы в политической науке [4].

Перечисление многочисленных трактовок понятия «сила», которыми богата современная политическая мысль, не имеет большого смысла, поскольку их количество не приближает нас к формулировке

унифицированного определения. Если обобщить разные точки зрения, то под силой понимается способность влияния на поведение других субъектов политических и экономических отношений или на конечные результаты.

Традиционно принято оценивать силовую политику в двух измерениях: «жесткая» (*hard*) и «мягкая» (*soft*) сила (*power*). С помощью жесткой политики, основанной на использовании военного фактора, решались и нередко продолжают решаться проблемы и преодолеваются противоречия между странами.

Классики марксизма-ленинизма признавали не только важность военной силы, но и необходимость учета при принятии решения о ее применении размера территории, численности населения, обеспеченности природными ресурсами. При этом они отмечали, что эти характеристики силы выступают в качестве не более, чем предпосылок возможности решения проблем, автоматически не определяющих силу и роль государства в мире. В данном случае необходим более широкий и комплексный подход, включающий анализ материальной основы общественного развития и морально-политических факторов [5].

Наряду с военной силой экономическая мощь также традиционно рассматривалась как основа жесткой силы, необходимая для поддержки осуществления военных действий, доминирования или контроля над другими странами. В этом контексте экономика и ее цели выполняют роль проводников агрессивной и наступательной политики.

Сам по себе факт наличия экономического и военного превосходства не всегда свидетельствует об уровне влияния государства в мире. Важно проводить грань между обладанием ресурсами и методами их использования, определять приоритеты и цели государственной политики, оценивать их результаты. Применение силы может иметь деструктивные последствия, устанавливать неравноправные отношения или наносить ущерб объекту воздействия. При определенных обстоятельствах силовые методы оказываются полезными в долгосрочной перспективе, вынуждая государства пересматривать прежние ориентиры, приоритеты развития и малоэффективные методы управления.

Таким примером является Иран, который, несмотря на длительную и масштабную санкционную политику, проводимую западными странами, продолжает выискивать возможности для совершенствования экономики, науки, образования и технологий.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В мире постепенно происходит трансформация взглядов на содержание силы, характеризуясь переходом в ее рассмотрении от совокупности военных, экономических, политических факторов к их разделению на относительно самостоятельные компоненты. В этом случае разрывается их функциональная зависимость, и каждый силовой компонент оказывается способным самостоятельно выполнять свои задачи, используя свойственные ему инструменты и рычаги воздействия на тот или иной объект. Тем не менее часто они продолжают тесно взаимодействовать, усиливая синергетический эффект влияния.

В противовес понятию «жесткая сила» (*hard power*) получает распространение термин «мягкая сила» (*soft power*) как самостоятельная, более гибкая и ненавязчивая форма силового влияния.

По мнению Дж. Ная, «то или иное государство может достигать предпочтительных для него результатов в мировой политике потому, что другие страны хотят следовать за ним или соглашаются на некую ситуацию, обеспечивающую такие результаты. Этот второй аспект силы, который проявляется, когда одно государство добивается того, чтобы другая страна хотела того же, что и оно, — может быть назван приобщающей или мягкой силой в противоположность жесткой или командной силе приказания» [6].

«Мягкая сила» основывается на диалоговом взаимодействии представителей разных цивилизационных культур, придерживающихся противоположных взглядов, принципов и этико-правовых норм поведения. Демонстрация превосходства в гуманитарных областях, научных достижениях, привлекательность бренда страны относятся к проявлению «мягкой силы». Усиление политической и экономической конкуренции за образ мысли, моральные устои и идеалы обществ ведет к умножению способов воздействия на массовое сознание.

Однако оказание влияния на разные страны через демонстрацию этических и культурных ценностей своего государства достаточно проблематичная задача. Люди, живущие в разных исторических, культурных условиях и придерживающиеся различных традиций, неодинаково воспринимают смысл и значение ценностных ориентиров.

По мнению О.Ф. Русаковой, понятие «мягкая сила» имеет многослойную смысловую структуру, отличается многозначностью и интерпретативным разнообразием. Многие толкователи наделяют это понятие новыми смыслами [7].

При любой модели построения взаимных отношений, основанных на преимуществах одного государства над другим, «мягкая сила» играет, скорее, дополняющую роль и имеет в лучшем случае отложенный эффект, чем обладает весомым, результативным и самостоятельным влиянием.

Эволюционное развитие концепций силы привело к появлению еще одной дефиниции под названием «умная сила» как сочетание мягкого и жесткого подходов [8].

Очевидно Дж. Най пришел к выводу, что в реальной жизни разъединение и противопоставление «мягкой» и «жесткой» силы не работает так, как это представлялось ранее. Военная сила, хотя и остается важнейшим показателем государственной мощи, имеет, скорее, демонстрационный эффект и направлена на уменьшение асимметрии военного потенциала государств, а не на крупномасштабные силовые операции по завоеванию господства. Наиболее значимым фактором силы и влияния в мире становится экономика.

В статье, опубликованной в авторитетном американском журнале «Международная политика», отмечается, что интерпретация силы Дж. Наея, основанная на разделении жесткой и мягкой политики, потеряла свою актуальность [9].

Редко государства обладают в равной степени всеми доступными возможностями, которые можно использовать для силового давления. Как известно, многие экономически успешные государства не отличаются военным могуществом, их авторитет и привлекательность для других стран обеспечиваются другими качествами. Например, Швейцария имеет развитые и эффективные финансовые институты, скандинавские страны отличаются высоким уровнем качества жизни.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Протекающие в мире политико-экономические процессы, рост значимости экономических показателей успешности государств, интересы основных субъектов мирохозяйственных отношений ведут к расширению сложившихся представлений о содержании «мягкой силы». Так, Дж. Най изначально не признавал экономический фактор в качестве «мягкой силы», считая экономическое воздействие равноценным насилию по методу *stick and carrot*, т. е. «дубинки и морковки» в американской интерпретации данного словосочетания или «кнута и пряника».

Впоследствии Дж. Най предостерег от зауженного представления о компонентах «мягкой силы» и отмечал необходимость рассмотрения множества ресурсов. Помимо культурно-гуманитарной составляющей политики, экономические ресурсы могут выступать источниками как «мягкой», так и «твердой» («жесткой») силы и подчас «в ситуациях реального мира трудно отличить, какая часть экономических отношений состоит из твердой силы, а какая — из мягкой» [9].

Этот вывод, соответствующий действительности, нуждается в дополнении. Экономический фактор не только становится компонентом «мягкой силы», но и оказывает влияние на остальные ее проявления, которые являются либо производными, либо в значительной степени зависимыми от уровня экономического развития и внешнеэкономических позиций страны. Вряд ли слабые в экономическом отношении страны в состоянии наработать арсенал впечатляющих и убедительных свидетельств «мягкой силы» и использовать ресурсы для их демонстрации. Вместе с тем нельзя недооценивать и жесткие методы экономической политики государства.

Объективные законы развития глобализации экономических процессов, рост взаимозависимости государств, усиление конкуренции на международных рынках товаров, услуг, капитала по всем направлениям научно-технического и технологического развития, совершенствование информационно-коммуникационных технологий выводят на передний план экономические показатели достижений государства. Успехи в этих сферах деятельности повышают международный авторитет государства, создают предпосылки для расширения его экономического и политического влияния на другие страны.

В современных условиях усложняются факторы, определяющие экономическую мощь государства. Например, еще совсем недавно наличие богатых сырьевых ресурсов или превосходство в количестве населения страны считались проявлением силы. Традиционные представления переоцениваются, и численность населения сама по себе уже мало о чем свидетельствует. Важнее учитывать факторы создания интеллектуального потенциала, уровень образования, профессиональной подготовки, структуру и мобильность человеческих ресурсов, возрастные особенности и продолжительность жизни населения.

Сырьевые ресурсы, оставаясь свидетельством богатства страны, оцениваются в части эффективности их добычи, переработки и потребления, перспектив

истощения, умения использовать в интересах социально-экономического развития страны.

Однако само по себе обладание значительными экономическими ресурсами не свидетельствует об их значении в проявлении «жесткой» или «мягкой» силы. Экономическая мощь может находить выражение как в жестких, так и в мягких методах влияния, выбор которых зависит от конкретных условий, характера отношений между субъектами и объектами воздействия и планируемых эффектов.

Экономические и финансовые санкции, эмбарго на торговые операции и торговые войны имеют конфронтационный характер и относятся к жестким инструментам давления и принуждения.

Экономическая сила может нанести ущерб или принудить объект к какому-то нежелательному действию. Но в отличие от агрессивной военной силы экономическое воздействие имеет гораздо больше рычагов для манипулирования и мягкого влияния, которые могут обеспечить взаимовыгодный результат. Существует обширный набор мягких и гибких средств и методов воздействия, который включает инвестиции, займы, кредиты, внешнеторговую политику, экономическую, научно-техническую, управленческую и консультационную помощь, привлечение к участию в различных проектах и программах и многое другое.

Агрессивные и жесткие действия менее предпочтительны, чем гибкие и избирательные методы действия. В противном случае проблематично сохранить привлекательный имидж, авторитет страны для применения других методов воздействия.

Более того, агрессивная и конфронтационная экономическая политика часто имеет эффект бумеранга, который вызывает ответные действия инициатору конфликта и по цепочке взаимосвязей распространяется на другие страны, усугубляя их положение и состояние мировой экономики в целом.

В последние годы происходит усложнение проблем, которые являются предметом межгосударственных обсуждений, связанных с экономической проблематикой. Растут риски глобального масштаба, требующие установления прочных партнерских отношений и взаимопонимания в области производства и распределения энергетических и сырьевых ресурсов, решения экологических, климатических и продовольственных проблем, ликвидации бедности в развивающихся странах, ответа на демографические вызовы и т.д. Особенно наглядно потребность к конструктивному взаимодействию государств проявилась в условиях пандемии *COVID-19*.

Многообразная и многоуровневая экономическая проблематика, поиск путей урегулирования противоречий привели к использованию экономической дипломатии, предусматривающей дипломатические действия, направленные на защиту экономических интересов страны на международном уровне и выступающие в качестве своего рода связующего звена между внешней политикой, внешнеэкономическим курсом и внешнеэкономической деятельностью государства.

По мнению Т.В. Зоной, «экономическая дипломатия является весьма многогранной и включает ряд видов или отраслевых составляющих, различающихся специализированными сферами, характером и содержанием решаемых задач, спецификой средств и методов дипломатического воздействия во многих сферах, включая атомную, военную, гуманитарную, космическую направления деятельности. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические, информационные аспекты дипломатии. Основными субъектами экономической дипломатии являются государства, их институты, предпринимательские сообщества, объединения, общественные и международные организации [10].

Многие правительства стран Азии меняют оценку содержания «мягкой силы» и считают, что экономический фактор является важным ее компонентом. По их мнению, все, что выходит за пределы военной доминанты и вопросов безопасности, включает не только культуру и общественную дипломатию, но и экономические и дипломатические рычаги принуждения, в том числе участие в международных организациях.

После присоединения Китая к ВТО многие государства, входящие в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН), предположили, что наплыв дешевой китайской продукции приведет к вытеснению национальных товаров с международных рынков. И их опасения оправдались: многие государства АСЕАН, потеряв значительную долю японского и североамериканского рынков, стали испытывать значительные экономические трудности.

Руководство Китая, не отказавшись от завоевания рынков развитых стран, приняло решение смягчить ситуацию и инициировало соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН+1. Сегодня Китай является основным торговым партнером и крупным инвестором в эти страны. Проведение «мягкой» политики усилило привязанность стран АСЕАН к экономике Китая. КНР не имеет больших перспектив в продвижении гуманитарных аспектов «мягкой силы», поскольку

бывшие социалистические идеалы не приветствуются во многих странах. В этой связи руководство Китая считает экономические рычаги более эффективным инструментом продвижения «мягкой силы», который компенсирует потери в сфере идеологии. Именно на экономическом факторе основываются дипломатические инициативы Китая, направленные на развитие взаимовыгодных и стабильных отношений со многими странами при отстаивании собственных национальных интересов.

Инициатива КНР по строительству нового Шелкового пути (*belt and road*) — концепция новой паневразийской (в перспективе — межконтинентальной) транспортной системы, выдвинутая генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в 2013 г., — сфокусирована на создании сложной и протяженной транспортной инфраструктуры. Дорогостоящий проект охватит 60 стран с населением более 4 млрд человек, на которые приходится львиная доля мировой экономики.

Планируется, что «мягкая сила», реализуемая с помощью финансово-экономических методов, обеспечит выгоду странам, вовлеченным в данный проект, за счет роста ВВП, расширения торговых и инвестиционных связей, создания современной транспортной инфраструктуры.

Политика Китая отличается умением в рамках «мягкой силы» превращать в преимущества не только свои достижения, но и недостатки, например в части проведения энергетической политики.

Для многих стран привлекательной стороной мотивации обращения за экономической или финансовой помощью к Китаю является отсутствие с его стороны жестких требований следовать либерально демократическим принципам, обеспечивать защиту прав человека.

Однако нельзя не заметить проявления «жесткой силы» со стороны КНР в экономическом плане. Например, нередко нарушаются права в области защиты прав интеллектуальной собственности, соблюдения экологических норм, а также ущемляются торговые интересы партнеров, что порождает конфликтные ситуации. Выход за пределы соблюдения норм международного права и достигнутых договоренностей означает переход от мягкой к жесткой экономической политике.

Одним из проявлений «мягкой силы», связанным с экономическим влиянием, является официальная помощь развитию (*official development assistance*). Правительства 30 стран — членов Комитета содействия развитию ОЭСР (*Development Assistance Committee OECD*)

оказывают поддержку экономическому развитию и ликвидации бедности. Активное участие в этой деятельности, направляемой по двусторонним каналам или через Всемирный банк, принимают также страны, не являющиеся членами ОЭСР, международные организации, частные фонды, посредством предоставления грантов и займов под проценты, которые существенно ниже тех сумм, которые развивающиеся страны могли бы получать от коммерческих банков.

Официальная помощь развитию как экономический инструмент «мягкой силы» используется Китаем, США, европейскими странами в конкурентной борьбе за получение выгодных условий доступа на африканский рынок и распространение влияния на страны этого континента.

Негосударственные участники международных экономических и политических отношений обладают значительными ресурсами влияния.

Такие международные организации, как Всемирный банк, МВФ, ВТО, ООН, используют инструменты, влияющие на политику правительств стран-членов, принимая решения о распределении государственных и частных финансовых потоков.

Важными акторами «мягкой силы» выступают региональные экономические объединения. Например, Европейский союз рассматривает торговую политику как основной инструмент «мягкой силы», который используется как в экономических, так и политических целях. Допуск на европейский рынок на условиях торговых преференций для развивающихся стран или на базе двусторонних соглашений связан с переговорным процессом и диалогом. Обсуждаются и согласовываются европейские принципы, требующие соблюдения прав человека и основных гражданских свобод.

ЭКОНОМИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Использование экономического фактора «мягкой силы» в политике государства зависит от комплекса факторов и условий и является сложной задачей. СССР имел сильную армию, добился военно-стратегического паритета с США и обладал значительным экономическим потенциалом. Однако страна не смогла эффективно использовать свои преимущества, советская идеологическая модель развития оказалась не столь привлекательной для населения по сравнению с потребительскими ценностями западной рыночной экономики.

Концепция «мягкой силы» и возможности ее применения приобретают важное значение для совре-

менной России. На политическом уровне принимаются решения и разрабатываются основы и методы «мягкой силы».

Одним из важнейших инструментов экономического и политического влияния на другие страны являются нефтяные ресурсы. Для России весьма выгодно укрепление энергодиалога со странами ОПЕК в целях предотвращения значительного снижения стоимости нефти на мировом рынке.

Методы экономической дипломатии как инструмента «мягкой силы» использовались в условиях крупномасштабной пандемии *COVID-19*. Отказ от конфронтации и переход к обсуждению перспектив регулирования нефтяного рынка в интересах его участников стали основой диалога в рамках «ОПЕК+».

Решения о поэтапном и добровольном ограничении добычи нефти и о координации решений для балансирования рынка достигнуты благодаря объединению усилий США, России и Саудовской Аравии.

В целом перед российской экономической дипломатией поставлена задача противодействовать попыткам использования политических инструментов в целях получения конкурентных экономических преимуществ.

Ключевым каналом содействия России другим странам является предоставление гуманитарной помощи. В 2017 г. Россией была оказана гуманитарная помощь на сумму в 23,3 млн долл. США, из которых 19,6 млн долл. (84%) получила Сирия. Россия также поддерживает страны СНГ, некоторые страны Латинской Америки (Никарагуа), Африки (Гвинея, Мадагаскар) и Азии (Вьетнам, КНДР).

Тем не менее вполне обосновано мнение о том, что помощь, оказываемая Россией другим странам, не имеет большого экономического смысла¹.

Важным и недоиспользованным потенциалом продвижения экономического фактора «мягкой силы» является бизнес, важность обеспечения дипломатического сопровождения которого не вызывает сомнений. Россия традиционно помогает другим государствам. Однако эта помощь фактически обезличена и не воспринимается общественностью как помощь России, а скорее, как помощь международных финансовых институтов. Решением этой проблемы будет являться эффективное использование потенциала Россотруд-

ничества с тем, чтобы бизнес более активно получал политическую поддержку со стороны государства².

ВЫВОДЫ

Становление «мягкой силы» в экономическом воплощении при наличии многочисленных собственных проблем и нерешенных задач не должно выглядеть недостижимой целью для России. Даже при наличии ограниченных финансовых и иных ресурсов можно изыскать эффективные методы взаимодействия со странами ЕАЭС, БРИКС, используя преимущества в области энергетических ресурсов, продовольственного обеспечения, технологических и инновационных наработок и совершенствуя политику по созданию специальных экономических зон и территорий опережающего развития.

Следует также отметить, что, несмотря на широкое использование понятий «мягкой» и «жесткой» силы, появляется достаточно много критических оценок обоснованности этих терминов. Отмечается, что эти «законы привлекательности были разработаны в США для себя самих в целях обеспечения своей гегемонии». Под эту американскую придумку созданы разнообразные западные рейтинги «мягкой силы» стран мира, которые не должны вводить в заблуждение.

В этой связи представляется, что можно было бы предложить свое видение и восприятие силы государства. Заслуживает внимания формулировка «невоенные факторы силы», которая была предложена И.Л. Шейдиной еще в 1984 г. вместо понятия «мягкая сила» [11].

Продолжающиеся дискуссии о «мягкой силе» в научных кругах и на политическом уровне свидетельствуют о принципиальной важности силы, форм ее проявления для принятия политических и экономических решений. В этой связи требуется скрупулезная, целенаправленная работа по формулированию стратегии, принципов и инструментов реализации ее возможностей исходя из объективной оценки места России в мире, учета международных политических и экономических реалий и угроз. Политика «мягкой силы» в экономической форме реализации не является самоцелью, а должна исходить в первую очередь из задач по обеспечению защиты национальных интересов России.

¹ Щедрая душа: сколько Россия тратит на помощь другим странам // Forbes. 2018. Ноябрь. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/369599-shchedraya-dusha-ckolko-rossiya-tratit-na-pomoshch-drugim-stranam> (дата обращения: 17.08.2020).

² Сайт «Деловые новости». Роль мягкой силы России в формировании благоприятного бизнес-климата. URL: <https://www.delonovosti.ru/analitika/3567-rol-myagkoy-sily-rossii-v-formirovanii-blagopriyatnogo-biznes-klimata.html> (дата обращения: 19.08.2020).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Неймарк М. Трампизм: кризис или закат «мягкой силы» США? // *Международная жизнь*. — 2020. — № 6. — ISSN 0130–9625. URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/26617>.
2. Cline R.S. World power assessment a calculus of strategic drift. Washington, 1975. P. 8. DOI: 10.2307/1987191
3. Hoffman S. Requiem. *Foreign Policy*. Washington. 1981;(42):5.
4. Hans J. Morgenthau, *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Third Edition. New York: Alfred A. Knopf, 1963. P. 27.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Москва: Издательство политической литературы. — 1974. — Т. 20. — С. 224. — ISBN 5–250–00085–1.
6. Nye J. Soft Power. *Foreign Policy*. 1990;(80):153–171.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. — 2020. — Вып. 10. — С. 174–175. — ISSN 1818–0566.
8. Nye J. Smart power. *New Perspectives Quarterly*. 2009;26(2):7–9.
9. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. — Москва: АСТ, 2014. — С. 177. — ISBN 978–5–17–081896–9.
10. Зонова Т.В. Экономическая дипломатия // *Внешнеэкономические связи*. — 2005. — № 6. — С. 54–62. URL: <https://www.mgimo.ru/upload/iblock/855/85500adfadc85b07da0e2bb40b1afdf1.pdf>.
11. Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. — Москва: Наука; 1984. — 348 с.

REFERENCES

1. Neimark M. Trampism: crisis or fall of the USA “soft power”? *Mejdunarodnie otnosheniya = International affairs*. 2020;(6) (In Russ.). URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/26617>.
2. Cline R.S. World power assessment a calculus of strategic drift. Washington; 1975. P. 8. DOI: 10.2307/1987191
3. Hoffman S. Requiem. *Foreign Policy*. Washington. 1981;(42):5.
4. Hans J. Morgenthau, *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Third Edition. New York: Alfred A. Knopf; 1963. P. 27.
5. Marks K., Engels F. Collection works. 2-d edit. — Moscow: Ed. political literature; 1974. Vol. 20. P. 224.
6. Nye J. Soft Power. *Foreign Policy*. 1990;(80):153–171.
7. Rusakova O.F. The concept of “soft power” in the modern political philosophy. *Scientific annual Institute of philosophy and law Ural branch of the Russian academy of science*. 2020;(10):174–175. (In Russ.).
8. Nye J. Smart power. *New Perspectives Quarterly*. 2009;26(2):7–9.
9. Nye J.S. The future of power. How the strategy of smart power changes XXI century. Moscow: ACT; 2014. P. 177. (In Russ.).
10. Zonova T.V. Economic diplomacy. *Foreign economic relations*. 2005;(6):54–62. (In Russ.). URL: <https://www.mgimo.ru/upload/iblock/855/85500adfadc85b07da0e2bb40b1afdf1.pdf> (In Russ.).
11. Sheidina I.L. Nonmilitary factors of force in the foreign policy of the USA. Moscow: Science; 1984. 348 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Николаевна Миронова — кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
v-mironova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valentina N. Mironova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia
v-mironova@yandex.ru

Статья поступила 30.08.2020; принята к публикации 05.10.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 30.08.2020; accepted for publication 05.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.